

Андрей Репин
Тень Земли: Дар

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Репин А.

Тень Земли: Дар / А. Репин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Просыпаясь от кошмара, выходя из кинозала после захватывающего фильма, выключая компьютер после игры или даже просто уходя с работы после очередного аврала, мы возвращаемся в тот мирок, который считаем своим. Это мир, где нам комфортно, где нас окружают знакомые люди и вещи, где все просто и предсказуемо. Мы так привыкаем всегда возвращаться в свой мир, что нам кажется, будто так и должно быть, и если вдруг нас куда-то занесет, скажем, завтра, то это лишь маленький зигзаг в обычной жизни. Но, на самом деле, завтра наша жизнь может перестать быть обычной. Да, это очередная книга об альтернативной реальности, куда кто-то нечаянно попадает и совершает стандартные для такого случая действия: учится принимать непонятное, преодолевать невозможное, доверять неизвестно кому и очень хотеть вернуться. Да, и еще - иногда это важно - упрямо верить в себя. Потому что если перестать быть собой, забыть о своих идеалах и о тех, кого любишь, то и возвращаться будет некуда, ведь наш мир живет внутри нас.

© Репин А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Тень Земли: Дар	5
ПРОЛОГ	6
Амулет	10
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тень Земли: Дар

ПРОЛОГ

Розовая восковая свеча горела неровно от пронизывающих пещеру сквозняков. Там, снаружи, опять собиралась гроза – в том забытом-забытом августе, полторы тысячи лет назад, за триста лет до великого крещения, дождей выпало столько, что казалось, мир стоит на грани потопа. Ничего, когда хлынет ливень, ветер утихнет, и крошечный огонек, наконец, успокоится. А пока надо прикрыть его ладонью.

Грубый деревянный стол, еле живой от времени, жалобно заскрипел, когда на него сильнее облокотился сидящий человек. Огонь отразился от желтой ладони и яснее высветил бурый шершавый лист пергамента на столе, рядом – кипу таких же листов, уже исписанных, глиняную чернильницу, серое гусиное перо и такого же цвета бороду сидящего.

Последняя ночь. Последний лист. Последние строки.

Глубокие темные глаза под седыми бровями глядели спокойно и сурово. Перо скрипело, неторопливо даря вечности красные буквы. Они сплетались и сплетались в бесконечную цепь – тут не одна жизнь и не две, и не тысяча жизней.

Точка.

Перо застыло. Старец поднял голову, прислушался или задумался. Ветер стих. Сейчас польет дождь. А это – мгновение тишины, когда слышно, как падают капли с каменного свода и возятся в своем укромном углу летучие мыши. Теперь огонь горел ровно, легонько потрескивая. Большая восковая капля медленно сползла в глиняную плошку, оставив очередной рубец на теле свечи.

Перо в желтых старческих пальцах перенеслось к чернильнице, обмакнулось в багряную жидкость и вернулось к пергаменту. В этот самый момент хлынул дождь, и все звуки мира утонули в его гипнотическом шепоте.

«И вся земля моя покрылась дымом, и кровью окрасились воды ее, и многие люди приняли гибель от собственных рук, отринув надежду, а иные склонили чело и приняли рабскую долю. И я, раб Божий, отшельник Прокл, не увижу завтрашний день, ибо грех великий быть рабом кому-то кроме тебя, Господи. И если гибнем мы, грешные, значит, на то есть воля твоя праведная. Сии великие бедствия, хаос и смерть по воле Божией земля приняла в год 6174 от сотворения мира».

Точка.

Прокл Отшельник, именуемый еще светлым монахом, отложил перо и склонился к самой свече. Слабое тепло коснулось его левой щеки, и в левом глазу отразился огонек. Правая щека осталась в тени, и правый глаз – словно пустая черная впадина.

Сквозь шум дождя что-то пробилось, какой-то далекий неясный звук. Прокл насторожился. Кто-то кричал? Вот опять, уже ближе.

– Помогите! Люди! Помогите!

Отшельник выбрался из своего убежища в холодный ливень и непроглядную темень. Одежда промокла в один миг.

– Помогите!

Прокл пошел на голос по знакомой каменистой тропе. Ноги скользили, тропа была узкой и неровной, справа – обрыв, слева – откос. Он рукой держался за выступы в скале и пробирался на ощупь, каждую минуту рискуя сорваться вниз. Кто-то сидел на тропе, отшельника коснулась, а потом намертво вцепилась в него чья-то рука холоднее мокрых скал.

– Помогите! – хрипел задыхающийся голос.

– Поднимайся, рядом пещера, держись за меня, – Прокл нагнулся к человеку, помогая ему встать.

– Помоги мне, Господи, я ничего не вижу! Где я?

– Слепой? – догадался отшельник, он старался нащупать вторую руку человека, но руки не было. – Я держу тебя. Пойдем. Осторожно шагай, тут пропасть.

На грубом деревянном ложе в неверном свете единственной свечи спасенный старик выглядел ужасно. Он был изувечен, в окровавленной изодранной одежде, лишенный правой руки, с кровавыми пустыми глазницами. Прокл подал ему воды и хлеба, но он, прежде чем принять это, спросил с непередаваемой мукой в голосе, кто его спас.

– Меня зовут Проклом, я монах-отшельник, – был ему ответ.

– От кого ведешь ты род свой, отшельник? Откуда ты? Заклинаю тебя Богом, скажи мне правду!

Прокл ответил:

– Правда в том, что я этого не ведаю. Много лет назад пробудился я в этой пещере и нашел тут перо и пергамент. В сердце моем было страдание, а более ничего не было. Никого из людей не знал я, но они приходили ко мне и славили меня, будто святого. Мне велено было – не знаю кем, может, самим Богом – запечатлеть страшное время в пергаменте. И чувствую я, время мое на исходе.

– Помнишь ли ты свою молодость, родителей своих?

– Нет, не помню.

Спасенный, проявляя крайнее беспокойство, нащупал руку отшельника, добрался до плеча и с силой притянул старца к себе:

– Все имеет начало и все имеет конец. Восход и закат. Исток и поток, уходящий в неведомое. Смерть темна и только она бесконечна. А у тебя, если нету начала, значит, нет и конца? – Он перевел дух и прошептал еле слышно: – Нет ли знаков каких на теле твоём?

– Есть рубец, будто огнем выжжено. Над сердцем моим будто бы солнечный круг, а в нем лист дубовый.

Дрожащая рука добралась до указанного места и ощупала рубец. Слепец откинулся на ложе и вдруг расхохотался, заглушив шум дождя и всполошив летучих мышей. Он смеялся долго, задыхаясь, и в хохоте его было облегчение и горечь.

– Правда твоя, – сказал он, отсмеявшись, – Время пришло. Исход близок. Меня называют безумным певцом. Слуги князя ослепили меня. Кто-то отсек мне руку, протянутую за куском хлеба. Другие нищие избили меня. Гуноны идут по моему следу. Каждый шаг – год. Всю жизнь. Имя мое – Боян. Ты не знаешь меня. Я тебя знаю. У меня есть к тебе весточка. Я спою тебе последнюю песнь. Теперь я знаю, что безумны те, другие. Правда – твоя и моя. Слушай!

– Постой, – Прокл, потрясенный и обеспокоенный, отстранился. – Ты очень слаб, съешь хлеба.

– Мертвому не нужен хлеб. А я почти что мертв, времени у меня мало.

– Тогда я зажгу вторую свечу...

– Нет, свеча тебе никогда больше не понадобится! Слушай меня.

Он запел. Голос – вот и все, что у него осталось. И голосу отдал он свои последние силы. Пел, сначала хрипло, с дрожью, а потом все увереннее, все крепче. Пел о том, что и сам Прокл писал в летописи, о том, что никому не ведомо, о том, чему не бывать никогда. Он пел о судьбе. О судьбе этого мира.

Прошел час, силы певца иссякли, он попросил воды.

– Подумай о себе, несчастный! – воскликнул Прокл. – Возьми хлеба и отдохни.

– Нет! – Боян вздрогнул. – Осталось немного. Господи, дай мне сил!

– Ты коченеешь, безумный! Остановись!

Вместо ответа певец снова затянул свою песнь, и отшельник, как очарованный, склонился к самому его лицу, чтобы слышать.

*... И Зло для него – нанесенная ветром песчаная дюна,
Которую ветер все тот же сровняет все с той же землейю.*

Певец замолчал надолго, слабо дыша и шевеля синими потрескавшимися губами. Прокл ждал, с болью глядя на умирающего. Приподнял ему голову и влил в рот немного воды. Мучительная судорога исказила лицо Бояна, он смежил веки и собрал всю свою волю, чтобы закончить.

*Но смертные, слепо по жизни идущие, праздные люди,
Что мудрость свою потеряли, прельстившись обманчивым блеском
Неведомых истин, лишь в их головах обитающих тайно,
И прочие, разум презревшие, гневом живущие темным,
И с ними иные, несчастные, битые злобной судьбою,
Однажды погубят его и низвергнут в холодную яму,
Где белое черным, а черное белым внезапно предстанет,
Где время, смешавшись, откроет изнанку судьбы неизвестной...*

Это было уже не пение, а еле слышный прерывающийся шепот. Теперь он прервался окончательно. Боян умер.

Отшельник прочитал короткую молитву и перекрестил усопшего. А потом долго сидел у смертного ложа, думая о пророчестве. Что это: бред сумасшедшего или предвидение блаженного, вложенное ему в уста самим Богом? Услышанная единственный раз песнь на удивление легко запечатлелась в памяти, Прокл помнил сейчас каждое слово.

Послышался частый треск и короткое шипение – свеча догорела, фитиль плавал в жидком воске. Пламя мигнуло и погасло. Пещеру затопил мрак. В темноте будто слышнее стал шум дождя. И сквозь этот шум – ржание лошади.

Своды пещеры озарились сполохами огня – словно далекие молнии осветили скалы. Неясные отблески становились все ярче и вдруг заматались неистово багровыми пятнами. Свет факелов ворвался в убежище, осветил двоих старцев – живого и мертвого. Фигуры в звериных масках возникли бесшумно, и огонь заиграл на обнаженных клинках.

Двое рванулись к усопшему, оттолкнули отшельника.

– Пророк мертв! – возгласил один.

Другой ударил ятаганом и поднял за волосы отрубленную голову:

– Теперь мертв.

– А этот, второй? Убить?

– Слепите его и на колесо. Там работать некому – людишки дохнут как мухи.

– Нет! Убейте его!

Фигура в маске быка обернулась на голос:

– Уж не ты ли, монах, осмелился мне перечить?

Из мрака выступил человек в черной рясе, с обожженным лицом и дьявольским взглядом.

– По воле наместника! Если он слышал пророчество, убей его.

Бык расхохотался свирепо и мрачно:

– Наместник? Здесь, в этой пещере, нет для тебя, монах, наместника, кроме меня. Слепите его, – он указал на лежащего Прокла, – пусть поработает на благо наместника.

Когда промелькнула первая страшная боль и пустые глазницы наполнились тяжелым горячим мраком, Прокл вдруг почувствовал, как снизу, от самой земли, его тело наполняет неведомая могучая сила. Боль его прошла, и раны мгновенно закрылись. В голове на удивле-

ние ясно встал образ могучего витязя. И Прокл *увидел* своих мучителей, их яркие факелы и черные души. Его связали и бросили наземь. Поволокли.

В рабство!

Но он уже *знал*, что будет, и не сопротивлялся, не старался убить себя, подставив голову острому камню. Двое волокли его по тропе над пропастью. Прочие уже умчались – топот и ржание стихли в дождевой серости занимающегося утра. Камни зашевелились сами собой и два отчаянных крика оборвались на дне ущелья, где резвился под дождем горный ручей. Веревка скользнула с рук и ног, словно озерная тина. У начала тропы лежал конь со сломанной ногой, брошенный хозяевами на погибель. Прокл ощупал распухшую ногу, встретил обреченный взгляд животного и вдруг увидел, как просветлел этот взгляд. Конь легко поднялся и склонил шею.

– Судьба надолго свела нас, мой друг, – тихо сказал ему Светлый монах и вспрыгнул в седло, словно молодой витязь. – Скачи на восход!

Амулет

Жизнь Глеба Калинина шла сама по себе. Как облака плывут высоко над городом, или как вода течет по широкому руслу – без проблем. В то время, когда начиналась эта история, ему было тринадцать лет, он учился в обычной школе. После школы... Нет, не всегда после. Иногда и во время занятий он ходил в самый обычный компьютерный клуб. Да, в те времена все ходили в компьютерные клубы, чтобы поиграть. Обычная школа, обычный компьютерный клуб, обычный паренек – отличненько все совпадало! Вероятно, это и называется «нормально». А когда обычное течение времени вдруг нарушается – вот тогда-то и начинается настоящая игра. Еще ее называют реальной жизнью, имея в виду всякие взрослые сложности. Да, и еще, когда невозможно переиграть. Но в компьютерном клубе об этом не задумываешься. Просто некогда.

...Патроны – три обоймы. Автоматическая винтовка – готов! Впереди двое. Снял! Немного вперед. Обернуться. Еще одного снял сзади. Справа коридор. Ящик. Гранаты!! Восемь штук. Коридор уходит круто вниз – гранату туда. Ох! Влепили ракетой. Ничего, аптечка есть. Вперед. Конец коридору. Простор. Хлоп, хлоп – подлый снайпер! Его не достать без ракетницы. О, тут и еще кое-кто. Какой крутой! Назад в коридор! А там уже... Три гранаты хватит? Еще хотите? Наме еще. Теперь чисто. Назад, к развилку. Ну и темень в этих пещерах. Что... Чего тут? За ноги кусать? Вот вам. Эх, патроны кончились. Тогда бежать и больше ничего. И только вперед...

Понятно каждому, что в предыдущем абзаце просто некуда вставить даже маленький кусочек обычной скучной школьной реальности. Только когда сохранишься в хорошем месте, врывается иногда мысль: третий час сижу, пора домой.

Геймеру забавно думать, что есть люди, которые так постоянно и живут в реальности. Глеб знал таких ребят, но не понимал, как можно прожить без игры хотя бы один день. А если о взрослых подумать – им еще и работать приходится, так это ж вообще веревки!

И еще забавно Глебу было бы знать, что пока он в клубе отстреливает монстров из системы Мок, что в созвездии Рыси, на обычной помойке у его реального дома сидит его знакомый – обычный серый кот и думает, облизывая усы после редкого лакомства:

„Жить-то, разумеется, можно как-нибудь, если не попадаться на глаза некоторым“. – Кот вздыхает и принимается выкусывать блох из хвоста, о котором в последнее время очень заботится. – „Э-э-х, хвост! Был когда-то! А теперь только полхвоста, как обрубок метлы. Мяу! Идет кто-то!“

Он вздрогнул, мигом слетел с мусорного контейнера и юркнул в кусты; лишь потом оглянулся и увидел безобидную старушку.

„Нервы! – подумал кот. – Она бы меня не тронула. Интересно, что у нее в ведре? Неплохо бы ин-дентифин-цировать“.

Старушка вывалила мусор и долго выбивала железное ведро об угол контейнера. Кот прижал уши и вздрагивал с каждым ударом: невыносимый шум! Когда старушка ушла, вернулся на прежнее место и принялся.

Порции мусора, которые люди выносят на помойку, иногда представляют интерес, но это дело случая. А вот Глеб всегда специально приносит что-нибудь вкусненькое. Пора бы ему уже прийти из школы (кот ничего не знал о компьютерных клубах), может, у него осталась колбаска или полстаканчика йогурта? Кот спрыгнул на асфальт и пошел к подъезду, в котором жил Глеб Калинин.

Вот на этом-то коротеньком отрезке асфальта спокойно текущее время вдруг споткнулось, и у некоторых все пошло наперекосяк.

Глеб издали увидел знакомого кота, лениво шагающего по нагретому солнцем асфальту. Лень сделала кота беспечным, и он поздно заметил Анфису Рюшину, которая преследовала его с детской аптечкой в руках. Этой девочке было тогда всего восемь лет, но кошкам, маленьким собачкам и птицам не следовало попадаться ей на глаза.

– Стой! – крикнул Глеб и бросился на выручку своему грязному другу.

Кот испугался и припустил. Анфиса тоже прибавила скорость, шлепая сандалиями и брэнча содержимым аптечки. Кот пронесся мимо двух старушек на скамейке и скрылся в подъезде. Там было две лестницы, одна вела вверх, а другая вниз, в подвал. Он, по привычке, побежал вниз. Дети за ним.

Так, один за другим, они вбежали в открытую дверь подвала. А затем и дальше – в самую глубь, в самый дальний угол, где среди ржавых труб и пыльных кирпичей кончался тусклый свет электрических ламп.

– Ай, паутина! – вскрикнула Анфиса.

Тут-то Глеб и догнал ее, и она завертелась, стараясь вырваться из рук мальчишки.

– Оставь кота! – потребовал он и хотел добавить «дура», но сдержался.

– Отстань! – девчонка пустила в ход зубы, вырвалась и побежала к выходу.

Теперь лампы, почему-то, не горели, зато впереди сияло солнце, и вскоре сырой подвал остался позади. Глеб налетел на застывшую Анфису и растянулся на земле. Анфиса даже не стала обзывать, как это принято у девчонок, если их случайно заденут; она стояла с открытым ртом и тарасилась, казалось, во все стороны одновременно. Глеб осмотрелся и понял, что они вышли не туда, откуда вошли.

Они оказались на поляне между высокими дырчатыми холмами. Земля вокруг и сами холмы были покрыты бурым мхом. Кое-где проступала вялая трава с каким-то серым налетом. Редко росли кустарники и деревья – тоже нездорового вида.

– Где это я? – прошептала Анфиса.

– Что за глюк... Прикольно, дома превратились в холмы, а люди исчезли! – удивился Глеб.

Разумеется, удивился! Удивился и испугался – он ведь не знал тогда, что реальный мир, словно коврижка из школьного буфета, состоит из двух слоев. Только нет между ними повидла, поэтому провалиться «не туда» может каждый, если знает, куда наступить и когда наступить, и даже просто случайно. Кстати, знать-то, как раз, мало кто хочет. И мешает, конечно же, этот непробиваемый человеческий эгоизм, скрывающий от нас все, что не соответствует главному принципу «Я – Человек!», который каждый понимает по-своему и только по-своему. Этот слепой, глухой и немой эгоизм возносит человека так высоко над миром, что видно оттуда лишь малую часть реальности, да и то – если Человек соизволит опустить взгляд. Подождите, не опускайте взгляд! Один только пример, и потом – дальше, к реальным событиям. Представьте: человек идет по своим делам и встречается кота, например. Случайно они посмотрят друг другу в глаза. «Кот», – подумает человек. «Человек», – подумает кот. Они в одном измерении – две жизни, два характера, два разума. Но попробуйте убедить в этом человека! Человек пройдет мимо в полной уверенности, что этот кот совершенно недостоин внимания, потому что нет у него ни характера, ни души, ни мысли; и жизнь его – не более чем шелест листьев.

– Мааа-маа-а-а! – тоненько заныла Анфиса, из глаз брызнули слезы.

Но они мгновенно высохли, когда рядом послышался негромкий голос:

– Во-о-от что случается с глупенькими детками. Разумеется, это не относится к тебе, мальчик.

Сказано было очень церемонно – кот гордился своей речью, хотя собаки презирали его за медлительность, да и кошки редко имели столько терпения, чтобы дослушать его до конца. Он имел привычку растягивать слова, и даже короткая фраза «Доброе утро» превращалась у него в

долгую песню. Такая манера речи, а также весьма обширный словарный запас появились у него после многолетней жизни в университете. Много научных знаний и серьезных слов впитала его кошачья голова в учебных аудиториях. Правда, последние два года он жил совсем в другом месте и постепенно приобретал новые манеры.

– Я в волшебной стране!! – восторженно завизжала Анфиса.

– Помолчи, Фишка! – перебил Глеб. – Я хочу знать, что случилось с людьми. Типа, в сказке, что ли? Все, заигрался я по-крупному, кажется. Котик, ты что еще скажешь?

„Что-то случилось, но не с людьми, а с вами“, – собрался было повествовать кот, но не успел начать, потому что возмущение Анфисы вдруг вырвалось наружу с силой кипящей воды.

– Обзываешься! – выдохнула она и прыгнула на обидчика, стараясь достать до лица ногтями.

– Как я тебя обозвал?! – закричал Глеб и подумал: „На «фишку» ведь обиделась“.

В ответ Анфиса заверещала так громко, что откуда-то сверху посыпался засохший мох.

От потасовки детей избавил кот, который был озабочен развитием событий и оскорблен невниманием присутствующих.

– Ма-а-а-а-ууу!! – завопил он, как обычно кричат очень избалованные домашние коты, когда хозяйка не укладывается в отведенные ей три секунды, чтобы разморозить, сварить, остудить, очистить от костей и подать с ласковыми словами рыбу любимому Ваське.

– Я полагаю, вы не хотите остаться здесь навсегда? – продолжал кот, добившись внимания. – Скорее в подвал, пока не проснулся Страж!

Им бы послушаться кота да бежать обратно, не болтая и не оглядываясь. Но ведь надо же все выяснить сначала. Вот они и выясняли, теряя время.

И опоздали.

Что-то случилось с солнцем. Оно погасло, прикрытое гигантской тенью. Мутная мгла разливалась между холмами. Стало сумрачно, и дохнуло откуда-то ледяной жутью. Серая темень накрыла Глеба и ворвалась в легкие вместе с воздухом, который вроде и не пах дымом, а был как густой дым. В ватной тишине послышался свист ветра, и Глеб увидел черную воронку торнадо – от серой земли до серого неба. Он нагнул голову и бросился к подъезду.

Анфиса оглянулась и сразу попала в бешеный вихрь. Глеб успел юркнуть в подъезд, но вниз, к подвалу, пути уже не было – там густо клубилась тьма, и доносился, приближаясь, чей-то вой. Мальчик вскрикнул от острой боли в плече, но сразу понял, что это кот, и еще, что надо бежать вверх.

Так он и сделал: взлетел на третий этаж по замшелым ступеням и ворвался в проем вроде бы своей двери. И за ним словно захлопнулись ворота; тут было тихо, откуда-то просачивался слабый колеблющийся свет.

„Это что-то новенькое, – подумал Глеб, переводя дыхание. – Может, я проснулся? Но это не наша квартира. Если это игра, то не помню я такого уровня. Куда же это я попал?“

В помещении было пусто. То есть, здесь не только отсутствовали люди, но и вообще ничего не было: ни мебели, ни люстры, ни обоев на стенах, ни паркета на полу. Вскоре выяснилось, что обитаемой была только одна маленькая комната, туда и направился кот.

– Здравствуй, мальчик. Присаживайся здесь, у моего огня. Впереди у нас долгий день, а потом вечер и ночь.

Глеб еще не очухался от того страха, которого натерпелся, и не смог по достоинству оценить новые чудеса. Он опешил, разглядев маленького, заросшего седыми волосами (как древний гриб зарастает плесенью) старичка, и хлопал глазами, пытаясь осознать, видит он его наяву, или это все только кажется. Он даже начал вспоминать, как выходил из компьютерного клуба. Вспомнил все подробно: как в таблице рекордов его фамилия стояла выше фамилии друга и постоянного напарника в играх Лешки Понарокова, как они вышли вместе, обсуждая

последний поединок в полузатопленной шахте восьмого уровня, как переходил через дорогу и шел мимо помойки вслед за котом. Глеб глядел на старичка и думал, что с ума он пока что не сошел, это точно. А новый персонаж выглядел не просто необычно, он был вообще не похож на существо, обладающее речью. Казалось, вся его фигура состояла только из носа (большого и бесформенного) и волос, да еще поблескивали в свете пламени глубокие глаза.

– Куда я попал? Где люди? Где Анфиса? И что это было в подвале? И кто Вы такой?

– Ты случайно попал в наш мир, давно забытый людьми. Здесь все не так, как в твоём мире. Когда ты привыкнешь, то, может быть, станешь повежливее. Вернуться назад тебе будет непросто, но мы поможем, когда уснет Страж, – голос старичка был тихим и скрипучим, а слова проникали в самую душу, возрождая отзвуки древних легенд, прочитанных когда-то в затрепанных библиотечных книжках, хотя ничего такого он, вроде бы, и не сказал.

– Не надо вам было мешкать у нас, – продолжал хозяин. – А вы разбудили Стража, и теперь мы все в беде. Сюда-то ему не проникнуть, пока я здесь, не бойтесь. Но и вас он не выпустит.

– Нас, это меня и Анфиску? А где она? И что это еще за Страж, о котором Вы говорите? Я его не видел, кто это?

– Это он унес девчонку, – вставил кот, устраиваясь возле маленького очага, сложенного из неровных закопченных камней.

– Страж унес несносную девчонку! Кто теперь спасет ее душонку? Ха-ха!

Глеб про себя возмутился: мол, нашел, чему радоваться, а когда до него дошло, кто произнес эти слова, он отскочил от очага.

– Утомонись, озорник! – старичок погрозил пальцем веселому огню и успокоил гостя: – Не бойся, мальчик, он не обожжет и не обидит.

– Куда он ее унес? Что тут, вообще, происходит? Странно у вас тут как-то... Кот разговаривает. И из камина голос...

– Странные обычаи есть у людей: говорят «Вы», когда обращаются к одному человеку. Меня это всегда путает.

– А как Вы узнали о наших обычаях, если, живете в другом мире, типа того? – перебил Глеб.

– Ты все узнаешь, если позволишь мне начать и закончить рассказ, – в голосе старичка появилось раздражение. – Сядь-ка вот на скамью.

И сразу все вокруг осудили нетерпеливого мальчика. Заворочалась скамейка: „Расселся тут, невежа“. Тихо застучали деревянные ложки и миски на дощечке у очага: „Как он может! Где его добрая душа!“ Зашелестела травяная подстилка: „Такой наступит и не заметит“. Со всех сторон доносились шорохи и вздохи, а из очага взметнулись искры, и насмешливый голос произнес:

– Гадким мальчикам урок, если им рассказ не впрок!

Только кот сохранял спокойствие, наверное, потому, что сам был гостем; он лениво чистил языком свою шкурку.

– Уймись! – прикрикнул хозяин. – А ты, мальчик... Пожалуй, надо тебе кое-что втолковать. Садись и слушай.

После этих слов Глеб почувствовал сонливость, и ему стало так спокойно и легко, как в своей домашней постели в десять часов вечера, когда мама целует его в лоб, приглаживает челку и идет ужинать с папой. Он лег на скамейку, повернувшись к огню и поджав ноги, и уснул. Но глаза остались открытыми, и он будто видел все, о чем говорил таинственный житель неведомого мира.

Много веков прошло с того дня, когда Старобор поселился в этом месте. Он ушел навсегда из дома своего родителя, как только тот передал ему тайны старинной магии. Такой был

обычай у домовых хозяев – смолоду они покидали семью и искали себе пристанище у чужих людей, там, где скрещивались в одной точке три опорные линии жизни: линия солнца, линия луны и линия времени. Некоторым не везло, приходилось скитаться годами. Старобор искал два года, пока не нашел просторную усадьбу, только что отстроенную, в которой поселилась веселая боярская семья, и уж с этого места – ни на шаг. Вокруг был лес, а с запада – поле и деревенька с двадцаток домов. Покой и птичий щебет. Хотя о покое Старобор тогда не думал. Был он молод, и ему нравилось устанавливать в доме свои порядки, играть с детьми и дурачить взрослых. Были у него и обязанности: создавать домашний уют, заботиться о скотине, а главное – оберегать дом от злых духов и от злых людей. И ведь справлялся не хуже других, более опытных! Люди считали усадьбу счастливой.

– Духов недобрых я держал в узде, распоясавшихся гнал прочь; не только у ворот моих, но и до самых Поддубных топей было спокойно. Радостно рождались в нашей усадьбе дети, счастливо жили и спокойно уходили к земле глубокими старцами. Никто не мешал. На пажитях всего росло вдоволь, мед не переводился и лес кишел дичью. Деревня разрасталась, люди тянулись к нам. Войны, конечно, были, мы слышали о бедах, но нас не задело, разве что чуть.

Оттого что жили уединенно, нас не только события, а и слухи долго стороной обходили. Веками жили, как жили. И не сразу заметили перемены к худшему. Но с каждым поколением все тише становилось в доме, потому что разъезжались дети, а если и наведывались изредка, то казались чужими; они приносили все больше дурные вести. Люди замыкались в своем мире, а под конец и совсем перестали замечать многое, что вокруг них. Усадьба ветшала, и я корил себя за плохую службу, думал – дело во мне. А дело-то было в людях, и не в наших именно, а вообще в людях. Изменились они. Больше стало злых людей, осмелели и злые духи. Наслушались мы о чужих бедах и ждали своей беды. Было мне беспокойно, и я враз поседел.

Беда всегда приходит внезапно, сколько ее ни жди, а дождешься – как град посреди лета, не поверишь, ибо ждал ты всего лишь дождя. Усадьбу захватили чужие люди, их души были такими черными, что привлекли внимание самого Адда, и он прислал сюда наместника, Стража, а рядом поселились свирепые троглодиты, о которых я и не слыхивал никогда. Тут мне и помог Пал, дух огня, – он сжег всю усадьбу, а с нею и половину леса. Остался лишь погреб, и в нем я дремал долгие годы под защитой сонного заклятия.

Меня потревожили люди. Я и не думал, что они еще остались на земле. Сначала смотреть на них не мог, а потом разглядел добро в некоторых сердцах. Потому и переселился в этот уродливый дом, который вырос на месте усадьбы. Люди меня не замечают, а мне ваша жизнь открыта, хоть и не всегда понятна.

Старобор надолго замолчал – задумался или задремал. А Глеб тихо лежал, снова и снова представляя себе услышанное, было ему грустно и спокойно. Комнату затопила тишина. Огонь почти угас, и стало прохладно. Из дальних углов напознала чернота, обволакивая Старобора таинственной тенью, в которой он казался еще древнее и волшебнее. Красноватые блики раскаленных угольков в его седой бороде словно оживали отблесками давно отгоревших пожаров, костров и свечей, давно постаревшего щедрого солнца, давно забытых деяний, легенд и песен. А может, это глаза отживших людей, судьбы которых навсегда остались в памяти старика?

„Сколько ж веков то прошло... – задумался Глеб, медленно пробуждаясь. – И зачем мне все это? Типа, от меня тут хотят чего-то. Да только я ведь ничего не могу! Тут все так странно, если это вообще не сон и не кино, и не шутка. Хотя, наверно, не шутка: я же знаю, что случилось с Анфисой... Или не знаю?“

– Ее ждет пытка и смерть, если она чиста сердцем и не способна творить зло. А если способна, то она навсегда останется в нашем мире по воле Черного Стража и для его пользы, – произнес Старобор, для которого человеческие мысли, как видно, не были тайной. – А ты должен...

Глеб еще не успел представить, не то что осознать, какая связь может существовать между маленькой девочкой из его двора и такими неведомыми понятиями, как «пытка» и «смерть», которые встретишь только в триллерах да боевиках... Он даже не успел остановиться на этом мысленным взором, как голос хозяина оборвался, а откуда-то сверху послышался мрачный смех, словно рычание цепной собаки, если бы ей вдруг вздумалось каркать. В нем звучала такая лютая злоба, что мальчику захотелось убежать и спрятаться где-нибудь, и в то же время с ужасом думалось, что спасения нет, что чудовище догонит и раздавит.

Даже в глазах Старобора отразилось замешательство, но он показал себя истинным Хозяином, когда встал, воздел руки и с суровой твердостью произнес заклинание:

– Духи тлена и болот, убирайтесь от ворот!

Страх вмиг исчез. Прекратился жуткий хохот. Но голос остался, хотя он потерял прежнюю власть и доносился как бы издалека, приглушенно:

– Глупый старик! Не вздумай наложить сонное заклятие, иначе тебя опять придется будить, а мальчишка никогда не проснется. Я оставлю тебя в покое – меня не прельщает твое жалкое логово. Но сначала я открою тебе свою волю. Девчонка жива и скоро будет дома. Зачем мне ее пытаться! Ты совсем озверел в своей берлоге, Старобор, если держишь в плену ребенка, которого я мог бы вернуть к людям. Подумайте об этом!

Неведомый голос затих. Старобор стоял, напряженно вслушиваясь в зловещую тишину. Глеб смотрел на него – маленькое лохматое существо – и видел, как смешно он водит ушами, как дрожит его борода, как колышутся волосы, растущие у него прямо из носа. Он почувствовал, что сейчас рассмеется, но, как воспитанный мальчик, сдерживался изо всех сил, чтобы не обидеть старика. Сдерживался, пока озорной голос из очага не произнес:

– Знал я барина когда-то: он увел коров у брата, а потом всем говорил, что на рынке их купил.

Вслед за Палом, веселым духом огня, Глеб от души расхохотался, хотя шутка, может быть, этого не стоила, зато попала под настроение.

Тем временем Старобор несколько раз пересек комнату, не обращая внимания на шутников, его не покидало беспокойство. Наконец он остановился и опустился в старое, низенькое, с моховой подстилкой, деревянное кресло, которое постоянно таскалось за ним. Понемногу все успокоилось.

– Это страж? Чего делать то? – спросил Глеб.

– Подождем, – ответил Старобор. – Спешить некуда. Сегодня у нас день трапезы, так что ты вовремя попал к нам.

Он изрядно покривил душой. Еда у домовых – редкое событие. Старобор, например, ел раз в неделю, и то очень мало. А поскольку это было два дня назад, то сегодня никакой трапезы не намечалось. Но ему хотелось подольше задержать, а может, и удивить гостя, поэтому уже незаметно готовился праздничный пир.

Глеб достал из портфеля бутерброд: давно пора было вспомнить о нем. Между двумя ломтиками пшеничного хлеба лежали две аппетитные сосиски, поджаренные с чесноком и помазанные горчицей. Он выбрал одну из сосисок для кота, потом, оценив ее, откусил ту часть, где было больше горчицы; остаток отложил в сторону, прямо на пол. Котик почему-то отсутствовал.

Между тем вокруг появились признаки обещанной трапезы: между хозяином и гостем возник низенький столик с деревянной и глиняной посудой, в которой что-то лежало и пахло. Глеб вытянул шею и на время забыл о бутерброде.

– Ну, бери, бери ложку! Впереди долгая ночь, а завтра в дорогу.

Глеб нерешительно взял ложку, делая выбор между бутербродом и тыквенной кашей. С одной стороны, глупо было бы набивать живот тем, от чего отказывался всю жизнь. А с другой стороны, пахнет так хорошо, как будто это не совсем тыквенная каша. Очень аппетитно

пахнет! А с третьей стороны, запах может и обмануть. Зачерпнул немного (два золотистых кусочка выглядели сиротливо в большой деревянной ложке) и поднес ближе. Ну, конечно, – обман: тыква с медом, в рот не возьмешь! Глеб, скривив губы, опустил ложку и безнадежно оглядел стол. Что это в глиняном горшке? Капуста, фу, да еще тушеная! Капусту он ел только в голубцах и пирогах. А дальше на столе в миске свекла (ну, это уж просто гадость!) и что-то в желтой кожуре, еще ягоды, грибы... Ага, грибочки! Может, и картошка есть? Но картошки не было, как не было ни колбасы, ни котлет с томатным соусом, ни пирожных к чаю...

Видя колебания гостя, Старобор приказал ложке действовать самостоятельно. Вот уж она поработала – только успевай жевать! Обед оказался чудесным. На десерт были холодные сливки с яблоками в меде. Было так здорово, что бутерброд остался забытым на столе.

К концу трапезы явился котик. Он остался более устойчивым в своих привычках – на овощи не взглянул, зато съел обе сосиски.

– Никифор, зачем ходил к людям? – строго спросил хозяин, когда кот закончил облизываться после еды.

– Если высокочтимый Старобор знает, куда я ходил, то можно допустить с большой долей уверенности, хотя и с некоторым сомнением, которое скорее кажется, чем присутствует на самом деле, мысль о его осведомленности в том, что я ходил в жестокий мир людей, чтобы...

Тут он принялся с видимым наслаждением облизывать лапу, которой раньше придерживал сосиску. Потом почесал за ухом и закончил свою речь:

– ...Чтобы узнать, правду ли сказал Страж.

– Я мог бы узнать это сам, – сварливо возразил Старобор.

– А Анфиса?! – воскликнул Глеб.

– Анфиска уже дома, – ответил кот, и его слова вызвали большое удивление у мальчика, который тут наслушался страшных сказок и чуть было в них не поверил.

– Ну, тогда и мне пора! – обрадовался Глеб. – Где тут выход?

– Мальчик, мальчик, подожди! Сядь, пожалуйста! – заволновался кот и бросился ему под ноги.

– А чего ждать-то? Пока я здесь жду неизвестно чего и слушаю ваши сказки, наступит ночь, родители с ума сойдут.

– Людям – сон, тебе – душа: жизнь, пока что, хороша! От судьбы решишь удрать – можешь душу потерять. С черным сердцем человек лишь похож на свой портрет. Не живет он, а висит, если темный страж велит.

– Чего? – не понял Глеб, но все же остановился у самой двери и обернулся к огню, который пылал, как свирепый лесной пожар – видно, тоже разволновался.

– Он сказал правду, – глухо прохрипел Старобор, потом откашлялся и пояснил: – Если пойдешь тем путем, станешь рабом Стража, и никто тебя не спасет. Никогда!

– Но кот же прошел! И Анфиса тоже! – с досадой выкрикнул Глеб, отметив про себя, что за окном стало совсем темно.

– Мне удалось пройти лишь потому, что нынче здесь открыта охота на одного мальчика, которого, к слову сказать, я считал гораздо умнее, а не на ловких котов вроде меня. Ты еще спрашивал про девочку? Больше не спрашивай: никто не ведает о замыслах Стража, но все знают, что они недобрые. «Спасение» Анфиски – ловушка для тебя.

– Но что же мне делать! – воскликнул Глеб, смахнув кулаком предательские слезы. – Что делать? Ведь я же еще школьник. Что я могу?

Глаза Старобора вдруг подобрели, казалось, он даже улыбнулся, когда произнес:

– Сынок, думать надо не тебе, а нам. Мы найдем другой проход, безопасный для тебя.

Безопасный проход! Существуют ли вообще в мире безопасные пути? А если и так, то кто сможет утверждать, что безопасная дорога самая лучшая, или самая легкая? Как найти и узнать эту дорогу? А еще, как добраться до этой дороги? И всегда ли пути похожи на дороги,

по которым можно пройти? Как быть, если встретится перекресток, если дорога вдруг поворачивает в сторону, если конец ее скрывает даль, мгла или тайна, если сама цель неясна или сомнительна?

Любой малец, как и все взрослые, понимает, что Глеб Калинин не задавал себе этих вопросов, они просто не пришли ему в голову.

Он вернулся к огню и сел на скамейку, обхватив руками свою школьную сумку. Ему было как-то тоскливо и страшно, как бывает не очень уверенным в себе людям, когда требуется решить: то ли шагнуть вперед, в пугающую неизвестность, то ли вернуться назад, несмотря на явную опасность. Вернуться назад в данном случае означало просто выйти из чудесной квартирки в знакомый подъезд, спуститься в подвал, дойти до темного угла и обратно – тем же путем. А там – родители, телевизор, кое-какие уроки, а главное – недоконченная компьютерная игра за полчаса до позднего ужина. Только действительно ли все будет так просто?

А шагнуть в неизвестность – совсем не ясно, куда. Что же делать-то? Неужто этот Страж действительно такой монстр? А сам Старобор – вроде, можно ему верить, да кто знает, чем все обернется на деле?

„Ну и попал же я из-за этой Анфиски, блин!“, – подумал Глеб и тяжело вздохнул.

Он не заметил, как Старобор куда-то делся, и очнулся от невеселых мыслей только тогда, когда голос из камина кротко попросил:

– Мне бы хоть былинку – жухлую травинку! Дай полешко Палу, Палу зябко стало! Я совсем голодный, мой очаг холодный. Дай поесть скорее – будет потеплее!

Глеб отложил сумку, осмотрелся и заметил маленькую горку дров. Выбрал полено побольше и сунул в очаг, где едва теплились красные угольки.

– Прости! Я тут задумался, а ты чуть не погас совсем. Куда же делся старичок, интересно? – наивно сокрушался он, наблюдая, как разгорающееся пламя облизывает дерево со всех сторон; полено быстро обугливалось, а огонь радостно потрескивал и отбрасывал лукавые блики, которые смеющимися зайчиками запрыгали по белому потолку.

А повеселевший голос духа огня затараторил:

– Где хозяин, не узнаем, в темноте не видно тень. Если жару не подбавим, будет темным ясный день.

– Ну, вот тебе еще полено, мне ведь не трудно. И еще могу дать, только здесь дров не очень-то много. А тебе, вообще, сколько надо – все, что ли?

– Подавай, сколько есть, буду рад это съесть.

Пал хихикнул и принялся за новые дровишки. Он почти не давал дыма, а каждую сухую ветку встречал целым ворохом разноцветных искр. Искры ликующе взмывали к дымоходу и сыпались волшебным серпантинном на каменные плиты у очага. Глеб завороженно смотрел на это представление.

– Ух ты, круто! Петарды, типа! Здорово тут у вас, все-таки.

Огонь разгорался все ярче. Стало жарко, и скамейка, на которой сидел Глеб, ворча что-то себе «под нос», отодвинулась от очага. Мальчик прошелся по комнатке и потрогал ручку двери, которая вела в зал. Дверь подалась, и показалась темная щель, потянуло холодом. Глеб испугался, захлопнул дверь и вернулся к огню.

– Ты золу повороши, кочергой помаша! – попросил Пал и принялся лакомиться подгоревшими головешками, до которых раньше не мог добраться.

– Я тоже люблю за жарки от картошки, которые прилипают к сковородке, – поддержал его Глеб. – Неужели больше нет дров?

– Пал не жадный малый. Палу надо мало, – был ему ответ.

– Ах ты, бессовестный! – Послышался тут возмущенный старческий голос. – Все дрова съел, будто и впрямь голодный, да еще себя же и расхваливает за скромность, а! Ух, озорник! И еще гостя молодого обманываешь, и меня позоришь, будто на самом деле тебя голодом морят.

Услышав голос хозяина, огонь сразу сник и забился в угли. Они сначала раскалились добела, а потом покраснели и едва светились в темноте. Последние искры утонули в ворохе золы, а голос кротко пролепетал:

– Пал прощенья просит. Палу стыдно очень. Пал послушным станет, чтобы не ругали.

– Э-э-эх, – вздохнул Старобор. – Теперь до утра без дров, а значит и без света сидеть будем. Ну да ладно, как-нибудь. Я посижу, а ты поспи, мальчик.

– А разве он не погаснет без дров? – спросил Глеб.

– Да нет, конечно, что ему сделается, – отмахнулся старичок. – Дрова – всего лишь лакомство для него, а жизнь его – в нем самом. Однако спасибо тебе, что заботаешься о других.

Помолчав, он добавил:

– Как же с тобой-то быть? Ты ведь, небось, уже загостился, и чудеса наши тебе не в диковинку? Мы тут с Никифором покумекали: по всему выходит, ночуешь у нас. А завтра решим, как быть.

Глеб опять задумался, опять захлестнули его сомнения. Он так и не решил до сих пор, что делать, и хотя, вроде бы тут решили за него, на душе было беспокойно. А больше всего беспокоила мысль о родителях.

– А знаешь что! Напиши-ка ты им письмо, чтоб не беспокоились, – предложил Старобор.

– Ничего себе! – удивился Глеб. – Типа почты, что ли?

– Я прочитаю им перед утренним пробуждением, они поймут.

– Да вы что, дядя Старобор! Да разве ж они уснут, если меня нет!

– Я позабочусь. Ну, что, напишешь?

– Чего же мне написать-то, – заколебался мальчик. – Тут такие дела...

– Как есть, так и пиши, – посоветовал Старобор.

Глеб нерешительно достал тетрадь, ручку. Положил на колени сумку, подложил еще учебник. Первый раз в жизни ему приходилось писать письмо. Сочинения писать он привык по литературе, и то, что он хотел выразить сейчас, сильно походило на сказку; многое из того, что предстояло описать, было таким необычным, даже не знаешь, с какого конца взяться. Он задумался, поковырял старую болячку на пальце и вдруг решил: ерунда это все, надо написать так, чтобы родители поняли – с ним все в порядке. В конце концов, ему не так уж плохо, а вот каково им там!

„Я пишу вам здоровый и веселый! – начал он. – Обо мне тут хорошо заботятся. Обещают скоро отправить домой. Мама, прости, что я ушел с физкультуры и не съел бутерброд на большой перемене, я больше так не буду. Папа, не затирай, пожалуйста, мою игру в файле «ГЛЕБ-4». Меня хорошо покормили. Здесь тепло и можно спать. Думаю, что к завтраку я буду уже дома и в школу не опоздаю. Глеб“.

Он перечитал письмо, свернул листок и протянул Старобору. Тот сунул его за бороду и погладил мальчика по голове, а потом ласково сказал:

– А теперь ложись-ка на лавку, да спи.

Сон, приди.

День, уйди,

До зари

Не буди.

Темный лес,

Не шуми.

Сонный бес,

Не томи.

Глеб Калинин не заметил как уснул, и не помнил потом, как его голова коснулась зеленой душистой подушки, набитой шишками хмеля, как с него сняли обувь, расстегнули ворот курточки и укрыли серым одеялом.

Старобор постоял над спящим мальчиком, думая о чем-то своем, потом тяжело вздохнул и тихо сказал сам себе:

– Э-э-х-хэхэ, давненько не убаюкивал я детей. Счастливы люди – каждый раз возрождаются они в детях своих, очищаясь от зла.

Хозяин пригладил Глебу непокорную челку, и устало опустил в кресло, оно отозвалось жалобным скрипом.

– Ну, чего скрипишь? Во мне и веса-то не осталось. Знаю, знаю, скрипишь ты от старости, на тебе сиживал еще Михайло Петрович. Сколько же лет прошло? Много.

– Годков, почитай, семь сотен. Клинья уж давно распатались. Кузнец подбил меня гвоздями, а железо гнилое – вполовину, а то и больше, гвозди проржавели. Дуб – другое дело, да и он идет трещинами от такой жизни.

– Ладно, ладно, не ворчи. Всему свой черед, и век наш не вечен. Служило ты стулом верой и правдой, вот и добро тебе. А мне надо подумать. Да, вот письмо, письмо-то... Положу его в ящик, пусть полежит. От такого письма одна канитель. Да и не поможет тут никакое письмо. Нет, Глебу оно, да, само собой, на пользу: ему теперь спокойнее будет. А родителям его я внушил, что сынок их в отъезде. Утром явится Григорий, подумаем вместе, как быть.

Утро наступило прохладное и тусклое. Солнце медленно поднималось над землей, ему было не под силу разогнать серый туман, скопившийся в низине между холмами, а ветра не было. Ночная сырость не собиралась уступать место сухому теплу, одежда и волосы спящего мальчика были влажными, как будто спал он не на лавке у домашнего очага, а прямо на траве. Часов в десять утра стало ясно, что солнечным лучам не пробиться сквозь плотную завесу, и обитателям маленькой комнаты придется смириться с сырым полумраком, в котором даже горячие угли Пала казались серыми.

Из-под лавки донесся шорох и лязг зубов – это Никифор потянулся со сна и сладко зевнул. Он вылез на голый пол, вытягивая задние лапы, а подстилка, на которой он спал, зашелестела и отряхнулась, расправляя примятые стебельки и листья. Кот подошел к площадке с водой, и некоторое время в тишине слышался только звук лакающего языка. Подстилка тоже поползла к площадке и свернулась, ожидая, когда хозяин встанет и оросит ее оставшейся водой.

Старобор не спал всю ночь, его одолевала тревога. На рассвете он ожидал своего давнишнего товарища, Григория. Был Григорий хозяином Лещинного леса – лешим, то есть. Когда-то этот лес слыл обширным и богатым, а теперь осталось от него лишь несколько зеленых островов посреди дикого грязного заустения, где деревья росли редко, да все больше чахлые, и трава желтела обычно уже в начале июня. Григорий ютился теперь в дремучем орешнике, подальше от города. Ему до Староборова жилья идти надо было три дня, но он исправно приходил раз в три месяца в одно и то же время и никогда не опаздывал. Он приносил вести для Старобора, а в тележке доставлял еду, лесную родниковую воду и душистые сосновые дрова. С тележкой Григорию помогал огромный волк, седой от старости, угрюмый, но верный и испытанный друг; звали его Серый Вихрь.

– Судя по всему, не дожидаться нам Григория. Солнце уже высоко, – начал рассуждать кот, как бы сам с собой, но поглядывая на хозяина и явно приглашая его к разговору. – Да и где ему! Разве пройдешь к нам теперь! Это сквозь туман, сквозь орду троглодитов. А бесов там сколько, снаружи! Я, когда ходил вчера к людям, сам чуть не попался. Страшное дело! Нет, не пройдет Григорий. И как мы спасем мальчика?

В ответ на эти безнадежные выводы Старобор только вздохнул. Он хорошо знал, что творится снаружи. Теперь все зависело только от Григория, найдет ли он способ хотя бы дать о себе знать?

Время приближалось к полудню. Глеб непрерывно ворочался во сне, но сон его был не простой и он не желал отпускать мальчика без позволения Старобора. А тот все ждал и ждал, хотел, чтобы к пробуждению гостя было ясно, что делать дальше.

– Может, разбудить мальчика? Дневной сон людям не на пользу, – произнес Никифор, глядя, как Глеб переворачивается со спины на живот да обратно.

– Да. Близится полдень. Негоже дольше ждать. Тяжел сон после рассвета, а уж после полудня спать вообще нехорошо. Проснись, Глеб. Рассвет позади, а нет у нас ни солнца, ни радости.

Глеб тотчас потянулся и сел, нащупывая ногами тапочки. Потом что-то пробормотал спросонья, зевнул и протер глаза. Осмотрелся, вспомнил, что с ним приключилось, и приуныл.

– Доброе утро, дядя Старобор, – он посмотрел на хозяина.

– С легким пробуждением тебя, сынок, – ответил старик.

– Кушать хочешь? – спросил кот. – Трапеза, так сказать, поздний завтрак.

– Хотелось бы, – Глеб сглотнул слюнки. – По правде сказать, я очень голоден. А как насчет того, чтобы мне попасть домой?

– Не пришел Григорий, – глухо произнес Старобор, и отвел глаза.

„Григорий?“ – подумал Глеб и хотел подробно расспросить о новой личности, но вид у старичка был такой подавленный, так жалко подрагивала его борода, что мальчик не решился, и только сказал без уверенности в голосе:

– Может, еще придет.

– Пойдет – не пойдет. Пройдет – не пройдет. А к нам не дойдет, – «утешил» Пал.

И вдруг послышался стремительно приближающийся шум крыльев, со свистом рассекающих воздух. В окно влетело что-то маленькое, мечущееся и пронзительно кричащее. Крошечная птичка с розовой грудкой принялась неистово носиться по тесной комнатке, шарахаясь от каждой стены и чиркая перьями по потолку. Когда она пролетала в опасной близости от головы мальчика, его волосы колыхались от ветра. Кот из-под лавки смотрел на это шоу высшего пилотажа, и его уши все ниже клонились к голове, а голова клонилась к полу: ему невыносимо было слушать оглушительные крики. В его глазах ясно читалась одна просьба: „Кто-нибудь, скорее, заставьте его замолчать!“ – сам-то он боялся даже шевельнуть лапой, не то чтобы мяукать, зная, что на свете нет существа более пугливого, чем маленькая птичка. Старобор сидел в кресле, как приклеенный, его глаза металась по комнате вслед за розовым комочком. Пал благоразумно спрятался поглубже в свои углы. И только Глеб не растерялся, он встал и вытянул перед собой правую руку. Птичка тут же спикировала ему на ладонь, крикнула напоследок особенно громко и замолчала.

Все перевели дух. Но пауза длилась недолго.

– Тю-тю-тю-тю-фью! Григо... Грриго... Гррригорий! – заверещала пичужка.

– Ага, ты, стало быть, от Григория! – обрадовался Старобор. – А где же он сам?

– Гррригорий! Гррришенька!

– Ну-ну, угомонись, попей-ка вот водички. Глеб, подай ему.

Глеб осторожно, чтобы не спугнуть, наклонился и поднес Никифорову плошку с водой. Посланец промочил горлышко. Все надеялись, что после этого услышат что-нибудь более конкретное, но птичка только продолжала в разных вариациях повторять имя Григория. И больше от нее ничего не смогли добиться.

– Я так понимаю, нет у нас надежды на Григория, – подвел итог Старобор. – Не пройти ему. Не пробиться.

– А если бы и пробился, что он может? – любопытствовал Глеб.

- Григорий многое может. Да не судьба, видать.
- Он же не знает, что тут творится, надо его просто попросить помочь, он и поможет!
- А ты и вправду добрый мальчик! Ты веришь в добрые помыслы тех, кого совсем не знаешь. А Григорию ведомо главное – я в беде. И раз он не в помощь, значит, плохи наши дела. О тебе он, конечно, не знает, откуда же! Вот и думай теперь, как его попросить.
- Я!! Перрредам! – крикнула птичка.
- Вот как! – оживился Старобор. – Тогда передай Григорию, что надо переправить мальчика, доброго мальчика, в безопасное место. Скажи, что надо обязательно спасти этого мальчика. Пусть он придет сюда и поможет.
- Перредам.
- Хозяин невольно усмехнулся, глаза его засветились добрыми искрами:
- И кто же ты, такой смелый, будешь-то, а?
- Зяблик!! – было сказано с такой интонацией, как будто «Чемпион»!

Зяблик вернулся довольно скоро. Хорошо, что у него хватало ума летать с закрытым клювом, а то в одно мгновение были бы взбудоражены все местные троглодиты. Он сделал три круга по комнате и приземлился на плечо Глебу. Покричал для порядка, почесался, а потом показал зеленый листок, привязанный ниткой к лапке.

На свежем листе липы с двух сторон проступали красные буквы, всего три слова:

«Жду. Тухлая балка».

– Та-а-ак, – задумался Старобор. – Знаю Тухлую балку. Это недалеко. Да только как отсюда выбраться и туда добраться – вот задача.

– Провожу! – чирикнула птичка.

Глебу казалось, что он попал в добрую сказку. Он осторожно погладил зяблика по головке и почесал перышки в том месте, где должна была быть шея. Его палец ушел вглубь теплых перьев, не встречая какой-либо твердой основы, а зяблик вывернулся и подставил свою синеватую спинку. Все его тельце мелко дрожало, а сердечко колотилось часто-часто.

Старобор с улыбкой смотрел на этого храбреца, но хмурые мысли скоро вновь овладели им. Он хорошо понимал, что выбраться из дома без могущественной помощи мальчику будет невозможно.

Затем все сели, наконец, за стол. Было не так роскошно, как вчера. Глебу досталась сладкая пшеничная каша с тыквой, котику налили сливок, зяблику насыпали крошек. Старобор к еде не притронулся, он знал, что это его последние запасы.

Когда еда кончилась, хозяин начал трудный разговор:

– Ума не приложу, как нам дальше быть. Надо бы переправить тебя, Глеб, ко Григорию, а из дому не выйти – кругом нечисть. Здесь сидеть – не долго мы протянем. У меня только одно на уме. Думаю усыпить тебя на время, а там посмотрим.

Глеб даже вскочил со своей лавки от такого предложения.

– Усыпить!! Да Вы что, дядя Старобор! Как же так можно! Разве так делают! Вы же, вроде, добрый, а такое говорите...

– Тихо, тихо, мальчик, не яришь, пожалуйста! – Никифор тоже вскочил. – Хозяин только о том и думает, как бы тебя спасти. Сядь, как полагается. Задумайся сам: наружу – никак, и здесь – никак, пищи-то не осталось почти. Оголодаешь ведь. А во сне – как будто и нет. Ты и не заметишь, как время пролетит! Это же очевидно.

– Время! И какое же время? Может, мне у вас целую неделю тут спать?

– Недельки-то, пожалуй, маловато будет, – прикинул Старобор.

– Да что вы, вообще! – взорвался Глеб. – Не буду я спать! Уйду!

И опять все в комнате осудили мальчика.

Первым высказался Пал:

– Как уйдешь – пропадешь! Ты пути не найдешь. Страж уймет твою прыть – будешь знать, как грубить.

– Глупый мальчик! – добавил кот.

– Грубиян! Неблагодарный! Негодный мальчишка! – слышалось со всех сторон.

– Скверный! Скверный! – скрипела скамейка, и Глебу показалось, что он сел на острые камни, когда Старобор, чуть ли не силой, заставил его опуститься на гладкие доски.

– Послушай меня, – устало начал объяснять хозяин, придерживая гостя за плечи и глядя ему прямо в глаза (ростом он был вровень с сидящим мальчиком). – Пора тебе повзрослеть, иначе пропадешь. Ты не ведаешь, что ждет тебя снаружи. Я ведь уже говорил, да ты, видно, запамятовал. Там зло, тьма и мука. Там страшная нечисть, которая только и ждет тебя, ибо ты для них – самая желанная добыча. Они охотятся за твоей доброй душой, сынок. Они будут терпеливо ждать, а когда ты выйдешь, тебе не будет спасения. Ты знаешь, кто такие троглодиты? Я и то мало знаю о них. Могу лишь сказать, что явились они будто бы из дальних южных земель. Где-то на юге есть горы, древние и неприступные; в пещерах жили они, избегая солнечного света, постоянно воевали друг с другом и поедали друг друга. Теперь они расплодились, видать, по всей земле. Делать они ничего не умеют, только умеют убивать. Это самые верные слуги Стража. Еще тебя поджидают бесы. Этих-то я хорошо знаю и могу защитить тебя от них.

– Это черти, что ли? – перебил Глеб.

– Это черные души злых людей, которые скитаются в поисках утраченного покоя. Земля не принимает их. Люди забыли о них. Нет у них ни плоти, ни надежды, только зло. Это как бы сгустки зла. Проходят десятки лет, прежде чем они растворяются в потоке времени, но число их не уменьшается, а только растет, ибо злых людей становится все больше.

– Чем же они опасны?

– Они служат злу. Бес может войти в душу человека и натворить много пакостей, пока человек не очистится.

– Это как же, молиться что ли?

– Нет, зачем же. Хотя и это помогает. Если душа человека добрая и сильная, она переборет беса. Разные есть бесы: некоторые смертельно опасны, но таких мало, другие беспокоят людей только во сне, таких большинство.

– А мумии, призраки и вампиры есть у вас?

– Не знаю таких, хотя сейчас я ни в чем не уверен, может и есть. А может, мы называем их по-другому. Не думал бы ты об этом.

– А Страж кто такой?

Старобор отвел глаза и помолчал, глядя вдаль, за окно, в туманную неизвестность.

– Это демон. Воплощение зла. Лучше бы тебе и не знать о нем.

– Понятно, – уныло протянул Глеб и надолго замолчал, уставившись в пол.

А Старобор прошелся по комнате, опустился в свое кресло и закрыл глаза. В сером полумраке нависла гнетущая тишина. Никифор лежал под лавкой, не мигая глядя на угли в очаге. Зяблик прикорнул на столе, сидя на краю большой деревянной миски. Жуткое безмолвие окружало дом, снаружи не доносилось ни единого звука: ни шороха листьев, ни ветра, ни шума дождя. Окна без стекол каким-то образом сдерживали густой туман, похожий на дым, и Глеб, подняв глаза к окну, подумал, что этот туман стал теперь еще мрачнее, точно облако темного болотного ила, а не светло-серый, как полчаса назад.

„А чего, собственно, думать-то! В тумане проскочим мимо всей этой нечисти, никто меня и не заметит!“ – Глеб даже оживился от такой мысли.

– Нет, – ответил Старобор. – Туман для них не помеха. Он для тебя предназначен, чтобы сбить с пути, чтобы посеять неуверенность и страх. Это ведь не обычный туман.

– Жаль, – Глеб опять сник. – Если бы ты хоть мог сделать меня невидимым, но это только в сказках бывает.

– Этого я не могу. Вот и выходит: поспишь недельки две-три – авось что-нибудь изменится к лучшему. Бесы рассеются, а троглодиты потеряют бдительность. Да и у Стража есть другие дела.

– Он же, вроде бы, спал до того, как мы его разбудили?

– Он не спит никогда. А если не занят каким-нибудь злодейством, то замирает, говорят, с закрытыми глазами и слушает жизнь на сотни верст кругом, и обдумывает свои черные замыслы. Если ничто не отвлекает его, значит все спокойно в его владениях. Ну, так как? Что ты решил?

– Не нравится мне эта затея, – рассуждал Глеб. – Родители, школа... Три недели! Может, что-нибудь другое придумать? У меня есть одна игра, там надо покрошить всех монстров. Короче, у меня пистолет, автомат и гранатомет, но их слишком много. Патроны кончаются, а к выходу из туннеля не пробиться. Так я что делаю – выставляю «мираж». Монстры глупые, они и набрасываются на мое изображение, как будто это я сам. Отвлекаются, и все – путь свободен. Я выхожу в следующий уровень, а там запас патронов, гранат и дополнительная жизнь. Может, и тут нам отвлечь как-нибудь этих троглодитов? Хотя, тоже, наверное, не подходит.

– Ну почему же? – задумался Старобор. – Надо только изловить одного троглодита. Это, пожалуй, неплохая мысль!

– И чего же мы с ним будем делать? – не понял Глеб.

– Да ничего. Он побежит в одну сторону, а вы, немного погодя, в другую.

– Побежит?

– Побежит, побежит, не сомневайся. У меня побежит! – повеселел хозяин. – Никифор! За работу.

– Уж не собирается ли многоуважаемый Старобор предпринять рискованную попытку по плану доброго, но не слишком умного мальчика, имея собственный надежный план спасения посредством усыпления?

– Я не буду говорить о недостатках моего собственного плана, как ты выражаешься, но они меня беспокоят, – ответил коту Старобор.

Тот некоторое время размышлял над его словами, а потом почесал шею и как-то неуверенно спросил:

– Что я должен делать?

– Нам надо подыскать какого-нибудь быстрого троглодита. Важно, чтоб он был один и где-нибудь поблизости. Мы заманим его. А что тебе делать? Да ничего, сопровождай меня – вот и все дела твои.

– У главной двери их слишком много, этих треклятых троглодитов, чтоб им отравиться.

– Уж дверей-то в этом доме предостаточно. Я, кажется, надумал, где их поменьше, я имею в виду троглодитов. Пойдем в дальний угол моих владений.

– А меня возьмете? – вклинился Глеб.

– Можно и взять, а может, ты даже окажешься полезным. Во всяком случае, поймешь кое-что, может быть. Но помни, мальчик, тебе следует всегда держаться позади меня. Будь осторожен! – наставлял Старобор. – Ну, пошли!

Они вышли из уютной комнатки: Старобор, за ним Глеб, и замыкал шествие Никифор. В пределах квартиры, оказывается, можно было двигаться без опаски – хозяин даже не смотрел по сторонам. Как потом узнал Глеб, Старобор держал под контролем весь дом, кроме подвала второго подъезда, захваченного Стражем еще накануне. Когда путь им преградила сплошная стена, старичок приосанился, коснулся ее правой рукой и произнес короткое заклинание: «Пропусти!». Мальчик шагнул вслед за ним и оказался в соседней квартире. Так они миновали несколько больших и маленьких комнат, проникли в последний, четвертый, подъезд и спустились на первый этаж. Чем дальше они продвигались, тем страшнее и мрачнее станови-

лось вокруг, тем осторожнее шел Старобор, вслушиваясь в темноту. Наконец они остановились перед дверью, которая вела из последней квартиры в подъезд.

– Они там! – прошипел Никифор, прижимаясь к ногам мальчика.

Глеб взял его на руки и погладил: кошачья шерсть стояла дыбом, а обрубок хвоста беспокойно колотил мальчика по груди. Сам Глеб находился на грани паники, он уже давно пожалел, что вызвался участвовать в этой экспедиции. Холодной, влажной от страха и дрожащей рукой он бессознательно гладил кота, не замечая, что клочья шерсти прилипают к ладони и застревают между пальцами (котик исправно линял каждый месяц, а сегодня – особенно обильно).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.